

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Утечка информации

Василий Головачев
Утечка информации

«ЭКСМО»

1995

Головачев В. В.

Утечка информации / В. В. Головачев — «Эксмо», 1995

ISBN 5-699-12389-X

Как далеко простираются границы Вселенной? Одиноки ли мы в просторах Космоса и когда произойдет первый контакт? Возможны ли путешествия во времени и между параллельными мирами? Где предел человеческим возможностям? Все эти проблемы чрезвычайно актуальны сейчас, в начале третьего тысячелетия. Василий Головачев имеет собственные взгляды на будущее человеческой цивилизации и на устройство мироздания и убедительно отстаивает их в своих произведениях.

ISBN 5-699-12389-X

© Головачев В. В., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР	5
БЕРЕЗИН	8
ГАРШИН	12
РУДАКОВ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василлий Головачев

Утечка информации

ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР

Их подняли по тревоге в три часа ночи. Дивизион не стоял на готовности и от тревожного пульсирующего воя сирены отвык, хотя в последнее время тревоги были только учебными, а о настоящих действиях давно не говорили всерьез.

В кабине управления за несколько минут собрался почти весь офицерский состав дивизиона – дежурные офицеры плюс отдыхающая смена. Последним появился командир дивизиона, хмурый майор с уверенными движениями и темным взглядом исподлобья.

– Что слышно? – спросил он у командира радиотехнической батареи, сидевшего за пультом наведения. Экраны радаров светились, но были пусты.

– Объявлен поиск в секторе ноль – девяносто. «Соседи» работали по цели, но как только перехватчики ушли в воздух – цель исчезла. Сели – цель появилась.

– Чушь какая-то!

– Я такого же мнения.

Комбат – майор, специалист своего дела со значком «мастера» – разговаривал и одновременно работал с пультом, поворачивая в указанном секторе радиолуч, то включая, то выключая шумоподавление, и тогда по экранам бежала неровная зеленая полоска засвета – дорожка отраженного от поверхности земли радиоэха.

Офицеры сосредоточенно смотрели на экраны, устроившись кто на чем за спиной комбата. Командир дивизиона с минуту разглядывал мерцающие квадраты, потом надел наушники связи с оперативным центром. Ему уступили его собственное место у экрана-индикатора кругового обзора.

Некоторое время слышались только ровное гудение высоковольтных распределителей за стенками кабины да команды комбата операторам наведения. Потом командир повернулся к пульту и негромко сказал:

– Переключи масштаб. Цель появилась на дальности где-то около двадцати пяти километров от нас, на границе сектора.

Комбат переключил масштаб экранов, повернул антенны, и почти сразу на экранах высветилось пятнышко, едва заметно сползающее вверх.

– Дальность двадцать четыре, – мгновенно отчеканил оператор. – Скорость шесть метров в секунду.

– Высота?

– Высота сто плюс-минус два метра.

– Может быть, вертолет? – предположил невысокий худощавый лейтенант, офицер наведения, чувствовавший себя неуютно из-за того, что у пульта вместо него сидит начальник.

– Размеры подходят, но на сплошной металл не похоже. Видишь засветку? Словно редкое облако пассивных помех, чуть ли не просвечивает...

– На запросы не отвечает, – буркнул комбат. – Запросите «соседей», обычным кодом они пробовали связаться?

– Пробовали, – кивнул командир. – Даже открытым текстом. Ноль внимания... Цель вижу, – сказал он громче, видимо, отвечая центру. – Идет со скоростью шесть, набирает высоту... есть... понял. На дальности двадцать... – Он выпрямился и быстро оглядел присутствующих. – Приказано на дальности двадцать километров произвести запуск «малыша».

«Малышом» называли ракетный снаряд с телепередатчиком на борту. Применялся он редко, так как скорость его была довольно невелика и передать информации при подлете к цели он успевал мало.

– Он сейчас почти над Малым Проломом, – сказал пожилой капитан, командир стартовой батареи. – Двадцать два километра.

– Внимание! – повысил голос майор. – Готовность к пуску полуминутная. Съемка?

– Камера готова.

– Пуск! – коротко скомандовал он, когда дальность до цели достигла двадцати километров.

Комбат нажал кнопку, и недалеко от кабины раздался короткий грохот, дрогнула земля, передавая толчок кабине.

Над экранами наведения зажегся круглый белый глаз – включилась телекамера «малыша». На основных экранах было видно, как маленькая яркая искорка быстро ползет к зеленому пятнышку. Доползла...

В белом круге мелькнула кружевная тень, и в то же мгновение в центре экранов разгорелась яркая лучистая звездочка. Одновременно погас и экран «малыша».

– Взорвался?! – в изумленной тишине воскликнул лейтенант.

Звездочка погасла. Черточка цели все так же находилась в центре экрана, правда, она увеличила скорость, поднимаясь в небо. Искорка «малыша» превратилась в постепенно гаснущее облачко свечения.

Командир уже докладывал о случившемся в Центр, и в это время пятно цели разделилось на две черточки, одна из которых быстро ушла в небо и исчезла, а вторая начала снижаться, терять скорость, падая «за экран». Не доходя до поверхности земли, она вдруг вспыхнула и, оставляя на экране волнистый след, исчезла в полоске высвета местных предметов.

– Упала! – сказал взволнованный лейтенант. – Товарищ майор, разрешите съездить? Это ведь близко, пять-шесть километров...

Командир дивизиона выслушал тираду Центра и, сказав короткое: «Понял», – снял наушники.

– Мы ближе всех. Пограничники предупреждены, но они далеко, пока приедут... Дивизион в ружье! Наряд и машину – к воротам! Выезд через три минуты. Ты останешься, – он положил руку на плечо комбата, – на всякий случай, если вторая цель вернется. Поищи в секторе, не найдешь – доложишь на КП. Дежурная смена остается на местах до отбоя готовности, остальные со мной.

Они стояли на опушке леса, недалеко от шоссе. Шел шестой час ночи, вернее – утра, накрапывал мелкий дождик, небо стало серым, мглистым. Ветер играл лапами плащ-накидок и задувал брызги в лицо.

Несколько бледных столбиков света от ручных фонарей освещали широкую, но неглубокую свежую воронку, клочья мокрого вспаханного дерна, траву. В глубине воронки стоял плотный белый дым и не расходился, несмотря на ветер и дождь. Пахло чем-то горьким, как полынь, но все же не полынью: запах был незнакомый, неприятный...

– Никаких осколков, – доложил старший наряда, тенью возникнув из полутьмы. – Обшарили все вокруг на полкилометра. Сюда бы собак...

– Пограничники наверняка привезут. Только, мне кажется, и собаки не помогут.

– Почему?

– Слишком много таинственности. И ни одного осколка! Что же здесь тогда упало? Вы читали когда-нибудь о «летающих тарелках»?

– Конечно, – произнес лейтенант, откидывая капюшон и вытирая ладонью мокрое лицо. – Их чаще называют НЛО – неопознанными летающими объектами. Литературы на эту тему выпущено много.

– Сбить цель мы не могли, «малыш» не нес заряда, – пробормотал капитан. – Почему же она взорвалась?

– Кто – она? – прищурился командир, гася фонарик. – «Тарелка»? Не догадались взять пакеты? Надо было бы собрать образцы травы и почвы, для экспертов. И вызвать ученых, это их епархия.

– Тут какие-то следы, – позвал вдруг всех старший наряда. – Похожи на лошадиные и светятся.

Следы в самом деле были похожи на лошадиные, круглые, как блюдца, глубокие, и дно каждого следа – всего их отыскалось около полутора десятков – светилось призрачным зеленоватым светом. Кто-то огромный и тяжелый, как слон, но слон двуногий, потоптался у воронки и исчез, заранее посмеявшись над усилиями людей объяснить происшествие.

БЕРЕЗИН

Первым в Центре ему повстречался Гаршин, одетый, как на приеме в посольстве. Вообще-то организация, в которой работал Березин, называлась длинно и неудобоваримо: Центр по изучению аномальных явлений природы при Академии наук России, но все работники называли его просто Центром.

– Привет, жаворонок. Не рано?

– А сам-то зачем заявился в такую рань? Да еще в светской униформе. Ты, часом, не перепутал утро с вечером? В таком костюме только с девушкой в ресторан идти.

Гаршин зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

– Злой ты, Березин, с утра, видимо, сон плохой приснился. А тебя разве не предупреждали, что сегодня к нам прибывает Теодор Слейтер? Со всеми вытекающими последствиями.

Березин смерил Гаршина взглядом. Он так и не научился определять, шутит Владислав или говорит серьезно. В отличие от него Гаршин был склонен к сдержанной насмешливости и тонкой иронии, и привыкнуть к его манерам мог далеко не каждый смертный.

– Пошли, не стоять же в коридоре.

В первой лаборатории отдела уже горел свет, а возле компьютерной панели возился Ивлев, начальник отдела, одетый в свою обычную кожаную куртку и джинсы. Березин покосился на Гаршина, но лицо Владислава осталось непроницаемым.

– Привет. – Ивлев прошелся по фигуре Березина критическим взглядом, и тот невольно втянул живот и расправил плечи. – Хорош, хорош. Слышали новость? Нолики появились на Алтае, недалеко от Бийска, деревня называется Малый Пролом. Красивое название, да? Кстати, у нас в гостях Слейтер. Надеюсь, слышали о таком.

Березин слышал. Доктор физико-математических наук, профессор Теодор Клиффорд Слейтер был директором аналогичной Центру организации в США, которая входила в состав Смитсоновского института и называлась Центр изучения кратковременных стихийных процессов. Центр этот, как и российский, делился на отделы и сектора: вулканологии, океанографии, физики атмосферы и тому подобное. При нем же был организован и отдел по изучению УФО – неопознанных летающих объектов¹, который негласно назывался институтом Хейнека – по имени ученого, организовавшего в начале шестидесятых годов комитет по изучению УФО. Отдел, в котором работал Березин под началом Ивлева, тоже занимался изучением УФО или НЛО – к последнему сокращению привыкли больше, хотя пользовались и ласковым, уменьшительным названием неопознанных летающих объектов – нолики.

– Значит, поедem на Алтай?

– Не спеши, – усмехнулся Ивлев, – сначала закончи работу. Фигурой Бог тебя не обидел, одет ты более или менее прилично, английским владеешь сносно, – начальник отдела глянул на часы, – вот и будешь представлять русскую науку... через полчаса.

– Спасибо за доверие, – сказал Березин, мрачней.

Ивлев быстро взглянул на него своими яркими желтыми глазами и неожиданно мягко улыбнулся.

– Ладно, не сердись, Максим, я пошутил.

И Березин тут же повеселел, хотя и осердился скорее театрально, нежели всерьез. За что он уважал Ивлева, так это за умение ладить с людьми, гасить любые конфликты.

Внешность Ивлева описать легко. По мнению Березина, он на всех производил одинаковое впечатление – высокий, гибкий, бесшумный, в каждом движении сдержанная сила, лицо

---

¹ Аббревиатура английских слов: Unidentified flying objects – неопознанные летающие объекты, НЛО.

хищное, резкое, на котором выделяются удивительно яркие «тигриные» глаза, и добродушная полуулыбка...

– Красивый мужик, – как-то со вздохом признался Березину Гаршин, хотя ему-то грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него влюблены и млели от восторга, когда он заводил с ними разговор о балете или об искусстве йоги. Но Березин с ним согласился. Ивлев был красив особой, целеустремленной красотой, он был гармоничен во всем и всегда, а это, по мнению Березина, было едва ли не главным в человеке. Может быть, он и впадал в крайность, так как, по замечанию Рудакова, а тот редко ошибался, склонен был к построению культа личности, но очень многие под влиянием характера Ивлева меняли свое мнение вопреки собственному желанию. Отсюда и Березин понял, почему Анна больше внимания обращала на начальника, а не на него. Не понимал только одного, почему сам Ивлев с Анной... ну, относился к ней так же, как к любой другой женщине. Может быть, именно это обстоятельство и подогревало надежду Березина, ибо надежда – последнее, что умирает в человеке.

– Ну, пошли, эксперты? – сказал с едва уловимой иронией Ивлев.

– Может, подождем Анну? – осторожно спросил Березин, решив, что ирония в голосе начальника отдела ему показалась. Но Ивлев в ответ только пожал плечами, а Гаршин усмехнулся, подмигивая. Березин уничтожил его взглядом и вышел, предоставив Владиславу право воскрешения без свидетелей.

Церемония знакомства длилась недолго: директор Центра Богаев и Ивлев встречались со Слейтером не первый раз, ему представили Гаршина и Березина, а им его и двух сотрудников Института уфологии, сопровождавших Слейтера в поездке. Приезд американцев не выходил за рамки совместной программы исследований НЛО, поэтому сразу же приступили к делу.

Кабинет Богаева был невелик, но уютен, четверо хозяев и трое гостей с удобствами расположились в креслах по сторонам изогнутого полумесяцем стола, с интересом разглядывая друг друга.

Ивлев держался свободно, с изяществом прирожденного дипломата, и, видимо, произвел впечатление на молодых коллег Слейтера, потому что они слушали его с гораздо большим вниманием, чем Богаева и самого профессора.

Слейтер сносно говорил по-русски, но через несколько минут перешли на английский, благо все в комнате владели им свободно.

– Господа, – сказал Слейтер после обязательных слов о погоде и здоровье окружающих. – Цель нашего визита состоит в следующем: загадками неопознанных летающих объектов мы занимаемся давно и накопили значительный статистический материал. Пора сомнений в существовании УФО, думаю, прошла для всех ученых: и для пессимистов, и для скептиков. Не так ли? Наши уфологи составили карты появлений УФО над территориями США, Канады, Мексики, акваториями Атлантического и Тихого океанов. Составляются карты для Африки, Южной Америки, Индийского океана. Нас главным образом интересует, сделано ли что-нибудь в этом направлении у вас?

После короткого молчания заговорил Богаев:

– Отдел по изучению НЛО у нас еще молод и невелик. До недавнего времени, вы знаете, в Центре была скорее инициативная группа в семь человек. Сейчас отдел насчитывает двадцать два человека.

Американцы переглянулись. Физиономистом Березин был слабым, но ему показалось, они были шокированы. Богаев тоже подметил их движение и быстро закончил:

– Но информации и у нас достаточно для определенных выводов. Более подробно о работе отдела расскажет начальник отдела Ивлев Игорь Тихонович.

Слейтер, очевидно, заметил смущение партнеров, снял узкие очки в невидимой оправе, подышал на них, аккуратнo протер, водрузил на место и лишь после этого произнес:

– Извините моих коллег. Комитет уфологии Соединенных Штатов насчитывает более четырехсот сотрудников, поэтому, я думаю, вам будет понятна их неловкость.

«Уколот-таки, – подумал Березин, – вежливо, культурно, но уколот. Что ж, масштабы нашей работы поменьше, но ведь и мы кое-что можем, ведь территория России – это Штаты плюс Мексика, а мы все-таки регулярно получаем информацию со всех ее точек. Автоматика тоже многое значит».

– За что же извинять? – хитро усмехнулся Богаев. – Важно то, что отдел работает, имеет совместную программу исследований с Академиями наук многих стран, да и со стороны ваших ученых нареканий на малую численность отдела ведь не было?

Слейтер растянул губы в улыбке, его сосед слева, веснушчатый парень в полосатом костюме, представленный как кандидат медицинских наук, психолог, примерно одних лет с Березиным, негромко засмеялся. Второй ученый-уфолог, негр с довольно правильными чертами лица, в таких же очках, что и шеф, остался невозмутим.

– Мы получили предварительные данные для составления УФО-карт по своей территории, а также территории стран Содружества и акватории Северного Ледовитого океана, – произнес Ивлев. – Хотя на Крайнем Севере сведения об УФО чрезвычайно скудны. В ближайшем будущем карты будут составлены и переданы Международному координационному совету уфологов. С предварительной информацией на данном этапе этой работы мы можем познакомиться.

Слейтер покивал круглой головой, на добродушном его лице ничего не отразилось.

– Нас интересуют также работы русских... – Веснушчатый кандидат наук достал откуда-то синюю папку (по традиции, что ли? Первый проект в США по изучению НЛО назывался «Синяя книга») и открыл. – Русских коллег по созданию автоматических станций наблюдения за УФО, их эффективности и отдаче.

– Пожалуй, это проще показать, чем рассказать, – спокойно сказал Ивлев. – Господин Березин, руководитель конструкторской группы, сделает это лучше, чем я. В свою очередь, и у нас есть вопросы в адрес американских друзей.

– Да-да, – сказал Слейтер, – разумеется, но это, наверное, уже в рабочем порядке, если не возражаете. У нас много общих вопросов, достаточно узких и специальных, поэтому в предварительной встрече не стоит устраивать брэйнсторминг – мозговую атаку. – Он засмеялся.

Березин с Гаршиным вежливо поулыбались, Ивлев корректно переждал смех и продолжил:

– Частота появлений неопознанных летающих объектов над различными районами земного шара неодинакова, что, естественно, вызывает интерес у специалистов, а каково мнение ваших ученых на этот счет?

– К сожалению, у нас нет единого мнения, – вклинился в разговор молчавший до сих пор негр. Голос у него был густой и сочный (как у протодьякона, подумал Березин, вспомнив прочитанное в детстве). – На равных существует несколько гипотез, одинаково уязвимых, четыре-пять из них заслуживают внимания. Наиболее серьезные, по моему мнению, такие: первая – частота появлений УФО наибольшая над месторождениями полезных ископаемых – очень интересная гипотеза, позволяющая надеяться на практическое использование явлений УФО; вторая – УФО чаще всего появляются у наиболее загрязненных мест Земли. И третья – неопознанные летающие объекты скапливаются там, где деятельность человека наиболее активна.

– И все три гипотезы, – подхватил Слейтер, по-отечески погрозив пальцем говорившему, – не подтверждаются полностью, стопроцентно. Впрочем, как и все тридцать три остальные, в большинстве случаев спекулятивные.

У Ивлева дрогнули губы и на лице промелькнула тень иронической усмешки, но так быстро, что Березин даже усомнился, было ли это на самом деле. Мимику начальника отдела он понимал далеко не всегда.

– Интересно и увлекательно. Если бы мы сами не занимались изучением УФО, я бы считал эти гипотезы сказочными экзерсисами.

– Вы считаете, что выдвигать гипотезы – несерьезно?

– Как раз очень серьезно, – улыбнулся Ивлев чуть грустной и одновременно извиняющейся улыбкой. – Загадка УФО – это целый комплекс проблем, и каждая гипотеза может перерасти в теорию и... не отразить истины.

– Вы правы, – сказал Слейтер после некоторого молчания. – УФО – крепкий орешек, и заниматься ими следует основательно, хотя – не поймите меня превратно – мы не греческие экзегеты², и тайна неопознанных летающих объектов представляет для нас чисто познавательный интерес. Надеюсь, мы, как всегда, найдем общий язык.

– Язык науки, – сказал Богаев торжественно. Такие штампованные фразы мог произносить, не смущаясь, только он.

«Зануда», – подумал Березин привычно.

На этом торжественный прием иностранных гостей и закончился. Богаев остался со Слейтером заканчивать официальную часть визита, а Ивлев повел американцев знакомиться с Центром, предварительно наказав Гаршину подготовить в отделе для показа кино-, теле- и фотоаппаратуру. Указанной аппаратурой и вообще всеми видами записывающей техники у них занималась группа регистрации в составе Рудакова и Губаренко, но они в данный момент находились в командировке, и Гаршину пришлось их замещать.

– Взаимовыгодное сотрудничество... – проворчал Березин Владиславу уже в коридоре. – Мы им информацию, они нам гипотезы.

– Брось, Максим, – нахмурился Гаршин. – Ты ведь на самом деле так не думаешь.

– Да уж... – не нашелся Березин с ответом, смущенный не столько смыслом слов Гаршина, сколько интонацией его голоса.

– Чувствуешь, насколько солидно у них поставлено дело? – Он скривил лицо, хотел что-то добавить, но лишь качнул головой и вздохнул.

– А у нас разве плохо? – пробурчал Березин, уже открывая дверь своей лаборатории, и с порога встретил синий взгляд Анны.

– Потом поговорим, – сказал за дверью Гаршин, проходя к себе.

Его группа занимала соседнее помещение.

– Привет, шеф, – сказал, не отрываясь от монтажного стола, Дима Шилов. – Там девочки у Владислава разобрали почту, есть интересные находки. Зайди посмотри.

Халат у аккуратного Димы был белоснежный, и весь его вид – чистый, опрятный, тщательно ухоженный – вызвал у Березина улыбку. Дима во всем был рационалистом до мозга костей, считая, что любопытство – тягчайший порок, за который надо карать отстранением от научной и исследовательской работы. Однако новости он ухитрялся узнавать одним из первых.

– Дима, – сказал Березин. – Сейчас к нам придут гости, и ты покажешь им нашу АСН и расскажешь принципы работы.

– Следует, наверное, показать уже отработанную модель? – не удивляясь, уточнил Дима.

Березин его понял. Конечно, они покажут старую модель автоматической станции наблюдения за НЛО, уже зарекомендовавшую себя отличной работой.

– Что-то серьезное, Максим? – спросила наконец Анна.

– Ничего, – ответил Березин. – Американцы, в рамках координационного совета. Ну что, продолжим настройку? Вчера вечером, ложась спать, я наткнулся на идею...

---

² Экзегеты – толкователи оракулов, позднее богословы-схоласты, толкователи библейских текстов.

ГАРШИН

На следующий день Владислав с утра занимался демонстрацией документальных фильмов, запечатлевших НЛО в разных ситуациях, показывал гостям машинный зал Центра, потом компьютерный отсек отдела, который занимала гордость Ивлева – электронно-вычислительная машина «Рось-2000», знакомил ученых с программой статистической обработки поступавшей со всех концов страны информации.

Информационный центр на гостей не произвел особого впечатления, но сеть станций наблюдения, охватившая практически всю Федерацию, поразила воображение. Гаршин посмеивался в душе, наблюдая, как апломб новых знакомых постепенно исчезает, уступая место удивлению и одобрению.

Потом гостями завладел Березин, увел в свою лабораторию, откуда они ушли не скоро. У Максима тоже было что показать, к тому же в его группе работала Анна.

После обеда Ивлев и Богаев поехали с американскими учеными в Академию наук, а через полчаса после их отъезда вернулся из командировки Рудаков. Как обычно, он был невозмутим, и на широком добродушном лице его не дрогнула ни одна черточка, когда Гаршин неторопливо сообщал ему новости.

– Ой, Миша приехал! – обрадовалась Лена Лисовская, толкая серьезную Веронику Круглову. Жанна Аркадьевна работала за персоналкой и только улыбнулась, кивнув сухонькой головкой.

– Садись, – предложил Гаршин. – А где мистер Губаренко?

– Спасибо, я к себе, – сказал Рудаков. – У вас тут шумновато. А Губаренко в Осколе, там в девятой АСН передатчик барахлит.

– Ой, останься, – попросила Лена Лисовская, краснея. Это было ее тайным страданием – краснеть по любому поводу и без оно, все в отделе знали об этом, и единственным человеком, позволявшим себе шутки в сторону Лены по этому поводу, был ее брат Герман.

– Расскажи что-нибудь, Миша. Что привез, какие новости? Видел нолики?

– Не нолики, а неопознанные летающие объекты, – строго сказала Жанна Аркадьевна, не признававшая фамильярного отношения к объекту ее работы.

– Видел, – сказал Рудаков. – Можно, я потом расскажу? Это долгая история.

– Можно, можно. – Жанна Аркадьевна решительно сменила дискету в компьютере. – Вероника, принеси блок дискет и распечатку прихвати. Леночка, на линии Хабаровск, дай справку.

– Ну вот, всегда так... – Девушки неохотно вернулись к работе.

– Пошли зайдем к Максиму, – сказал Гаршин. – Он тебя ждал с нетерпением. Как-никак искатель – его детище.

Они вышли из наполненного гудением, стрекотом и писками зала в белый тихий коридор. Дверь в лабораторию Березина была приоткрыта, из-за двери доносилась тихая музыка.

Сам Максим колупался во внутренностях новой модели АСН, Дима Шилов что-то яростно паял, Анна за столом склонилась над листом ватмана. Увидев Рудакова, она обрадовалась не меньше Лены Лисовской.

– Миша, ну наконец-то!

И хотя в ее радости звенели только дружественные нотки, наблюдательный Гаршин все же заметил мгновенный взгляд Березина, в котором был вопрос.

Дорого бы дал Максим, чтобы услышать восклицание: «Макс, ну наконец-то!» – подумал Гаршин.

Рудаков распаковал чемодан, достал оттуда в самодельном чехле искатель и положил на монтажный стол. Потом стал вынимать какие-то свертки, пакеты, кассеты и рассовывать по

всем шкафам, столам и стойкам: расположение оборудования в лаборатории Березина он знал отлично.

Последним он достал из чемодана невероятной красоты каменный окатыш, отполированный водами Байкала, и вручил Анне.

– Это тебе. По заказу Максима. Лазурит.

– Спасибо, – тихо сказала та, принимая подарок, и удивленно и обрадованно глянула на Березина.

Максим искоса посмотрел на Анну, легкая краска легла на его щеки, но он сделал вид, что ничего особенного не произошло.

– Лазурит... – пробормотал Гаршин, рассматривая переливы синих и голубоватых вкраплений на камне. – С рук небось купил?

– Обижает, начальник.

Рудаков, покончив с таинственной сортировкой, поколебавшись, сел на роскошный диван – предмет гордости лаборатории. Где его откопал Березин – диван был выполнен в стиле барокко лет сто назад, – одному Богу известно.

– Теперь он будет сутки сидеть на диване, тупо смотреть в одну точку и мучительно вспоминать, где был и что делал, – резюмировал Гаршин.

– Владислав, – сердито сказала Анна, но Рудаков с каменным выражением лица только посмотрел на Гаршина сквозь прищур век и ничего не сказал.

Характер у Михаила был невероятно сдержанный, ко всему на свете он относился ровно и спокойно и завоевал симпатии даже у строгой Жанны Аркадьевны по прозвищу Жанна д'Арк, что, кстати, тоже не обошлось без помощи Гаршина. Владислава же лично Рудаков поражал не своим спокойствием, а тем, что мог пошутить в ответ так умело, тонко и метко, что не посмеяться шутке было невозможно. К сожалению, происходило это редко, Рудаков был молчуном. К жутким же выпадам Гаршина, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим стоит взаимопонимание, он относился так же хладнокровно, как глухой к выстрелам.

– Рассказывай, Миша, – жалобно попросила Анна. – Дима, выключи магнитофон.

– Разве можно отказывать женщине, дорогой? – заметил Гаршин с «кавказским» акцентом. – Да еще *такой* женщине?!

И хотя Гаршин шутил, ему тоже не терпелось узнать, что же нового привез Михаил. Все сотрудники отдела бывали в командировках не раз, в основном как регулировщики автоматических станций, спеша уже по следам событий: то АСН засекали в атмосфере быстро перемещающиеся шары, то кто-то видел неизвестное светящееся тело, то где-то сел на воду или на землю необычной формы аппарат, то разразилась локальная электромагнитная буря... Редко такие путешествия заканчивались официальным утверждением феномена, «узакониванием» собранной информации, особенно устного характера – со слов очевидцев. Но были и удачи: любопытные фотографии НЛО, записи шумов и помех при их пролете судовой и исследовательской аппаратурой и даже любительский кинофильм, снятый участниками одной из археологических экспедиций в Крыму.

Из всех сотрудников отдела лишь одному Рудакову посчастливилось дважды лично наблюдать неопознанные летающие объекты, и не только наблюдать, но и мастерски сфотографировать. Может быть, и на этот раз ему повезло?

– Искатель ваш работает, – сказал Рудаков, искоса посмотрев на Березина. – Но чувствительность слабовата, около двух километров. А обычные локаторы ловят НЛО...

– За десятки километров, знаю. Зато и ловят они обычные НЛО, – задиристо ответил Березин. – Мы же хотим видеть все, вплоть до «исчезающих призраков». А что, неужто встретил?

– Не без того, – вздохнул Рудаков точно так же, как и в комнате Гаршина. – Братья, может, подождем начальника все-таки? Не хочется два раза рассказывать одно и то же.

– Ох и толстокожий ты, Рудаков, – сказал Гаршин, отвернув ослепительно белую манжету рубашки, чтобы взглянуть на часы. Лицо его приобрело обычное снисходительно-внимательное выражение. – В таком разе я вас покидаю.

– Подожди, Владислав, – сказал Березин. – Моя разведка доносит, что к вам с почтой поступила любопытная информация. Не будет ли джинн так любезен...

– Будет, будет, мог бы и покороче, – усмехнулся Гаршин. – Любопытная информация пришла из Карелии. Пост воздушного наблюдения над Соль-озером засек и даже заснял НЛО. Кстати, наших станций там нет, не исключено, что новую модель Ивлев решит испытать именно там. Или на Алтае... или в любом другом месте. Чао, уфологи.

С этими словами Гаршин покинул уютную лабораторию Березина. За Рудакова он «не беспокоился», если тот сразу не поделился впечатлениями поездки, то упрашивать его бесполезно. Михаил был упрям как носорог, а Гаршин не видел в этом особых достоинств, так как сам был уступчив и знал цену выражению: «Упрям – хоть кол на голове теши». Особенно это относилось к оппонентам его прошлых работ, ибо в последнее время новых работ у него не было и слава растущего физика-теоретика его покинула.

Нет, тему свою, которую вел в ФИАНе, – раздел общей теории поля под названием «Теория преобразования энергии», – он не бросил, просто работу в отделе изучения неопознанных летающих объектов он считал случайным эпизодом. А в отделе он оказался по умело аргументированной просьбе Ивлева: тот при встрече сказал, что в движении НЛО много такого, что заставляет задуматься именно над иным принципом преобразования энергии. И он загорелся, согласился, черт его дернул!.. Да, Ивлев умеет убеждать, этого у него не отнимешь. А что вышло на деле? Кинограмм, фотографий, записей – вагон, выводов – нуль! И не видно даже просвета в стене фактов, через который удалось бы разглядеть хотя бы контуры новой теории. Эйнштейн незыблем, как сама истина, хотя и есть в его теории поля вопросы, которые он просто обошел. Впрочем, замахиваться на авторитеты модно, если бы еще и польза от этого была...

Гаршин зашел в свой сектор, поговорил с освободившейся Жанной Аркадьевной, выслушал ее жалобы на увеличение объема заказов – хотя ЭВМ «Рось-2000» и считалась собственностью отдела, но она обслуживала почти весь Центр, а это, по мнению Жанны Аркадьевны, был непорядок, потому что именно в этом она усматривала причину столь долгих поисков решения загадки НЛО.

– Что поделаешь, – улыбнулся Гаршин, – если мы еще не выросли за рамки статистических сводок об НЛО. Вот когда будет теория происхождения неопознанных летающих объектов, тогда...

– Теория теорией, а заказы растут, – сердито ответствовала Жанна д'Арк, вздергивая остренький носик. – Герман из машины не вылезает, сутками блоки меняет, настраивает...

– Вот здесь вы правы. – Гаршин взял Жанну Аркадьевну под локоть. – Персонала у нас маловато, но – будет, обещаю.

Кончилось все тем, что он передал власть до конца дня Герману Лисовскому и уехал в Физический институт.

«Важно не потерять мысль, – думал он, оглядываясь на строгое здание Центра перед тем, как сесть в такси. – Можно забыть формулу, забыть цифровые данные, условия задачи и прочее, но главное – не потерять мысль, которую подарил мне Ивлев, сам не подозревая об этом. Скорость любого материального тела не может изменяться мгновенно, причем на порядок, закон инерции есть закон. Но ведь НЛО наращивает скорость движения именно так – мгновенным скачком. Что, если это следствие временного скачка?! Сдвиг во времени – скачок в пространстве! Что и говорить, мысль великолепная! Такую можно и по миру пустить. Подкину

ее Гладышеву и Белецкому, они членкоры, они мохом старых успехов еще не обросли. Ай да я! Сдвиг во времени – скачок в пространстве... Подставим в формулу поля тензор временного изменения и...»

– Куда везти? – спросил шофер.

– В простран... в ФИАН, – поправился Гаршин. – Левоповоротный проспект, двенадцать.

РУДАКОВ

Когда кубик селектора пригласил его в кабинет начальника, он вздохнул с облегчением, хотя, наверное, со стороны никто бы этого не заметил.

В кабинете собрались руководители групп, ожидавшие очередного заседания «клуба кинопутешествий», как называл эти мероприятия сам же Рудаков. Кабинет был как кабинет: стол с селектором, видеотелефоном и телефаксом, стулья у стен, стойка АСН в углу, магнитофон и телевизор, встроенные в стену, книжный шкаф... Но Рудаков почему-то всегда чувствовал себя в нем неуютно. Нет-нет, ничего неопределенного, только неясное предчувствие необычности, печать таинственности, эфемерная и неуловимая... Может быть, виной тому была их собственная деятельность, связанная с загадочностью неопознанных летающих объектов? Или в кабинете Ивлева сильнее чувствуется его интеллектуальное превосходство, постоянное давление которого Рудаков чувствовал везде и во всем?

А ведь я ему завидую, подумал он, проходя к свободному стулу. И черта с два разберешь, черная это зависть или белая. Что это, следствие комплекса неполноценности? Раньше вроде я его у себя не замечал...

– Откуда уныние в нашем клубе веселых и находчивых? – спросил Ивлев, быстро пробежав глазами по лицам сидящих. – Скоро повеселеете, обещаю. Сегодняшняя оперативка внеочередная, во-первых, потому, что приехали американцы из института Хейнека; думаю, все уже в курсе событий. Ну, и приехал из командировки Михаил с кучей новостей, затрагивающих всех. Начинай, Миша.

Рудаков покосился на подмигивающего ему Гаршина и проговорил:

– Задание у меня было самое обычное – сменить пленку двух АСН, одна из которых стоит возле Баргузина, на Байкале, вторая на лесоповале у поселка Березовое Красноярского края. Ну, и забрать записи приборов, если таковые имеются, а также – снять наш искатель...

– Говорил бы сразу о главном, – вставил Тихонов, руководитель группы технической подготовки, критически относящийся ко всем докладчикам.

– А я не умею сразу, – отрезал Рудаков. – У Байкала ничего интересного АСН не обнаружила, есть кое-какие записи, но фотопленка чиста, значит, визуального обнаружения НЛО не было. А вот у Березовского лесопункта... Во-первых, там метеостанция, во-вторых, группа метеорного патруля – телескоп, радиолокатор и прочее; и есть очевидцы оттуда и оттуда. Самое интересное, что аппаратура АСН не включалась, а вот искатель березинский сработал. Правда, гораздо позже, чем очевидцы заметили шар в пределах трех километров.

– Чувствительность слабовата, – сказал Ивлев, – но это исправимо. Важен сам факт – искатель работает. Направление работы понятно, Максим?

– Куда уж понятней, – сказал Березин.

Ивлев встал, быстро прошел к селектору, нажал клавишу и произнес:

– Семеныч, как только появится директор – дай знать.

Возвращаться не стал, сел за свой стол (двигался он стремительно, но скупно и точно), и Рудаков снова позавидовал ему, так как сам двигался с грацией медведя и ловким никогда не был. К тому же Ивлев превзошел его еще в одном качестве: он мог сидеть и слушать собеседника абсолютно неподвижно, как каменный, оставив позади даже невозмутимость самого Рудакова, признанного «мастера» в данной области.

– Продолжай, – кивнул Ивлев.

– Ну а потом, собственно, и произошла встреча... Пленку я проявил еще там, а фотографии сделаю завтра, отдохну и сделаю. Ну, как это было? Вечером второго дня...

В Балахту, районный центр Красноярской губернии, Рудаков и Губаренко прилетели из Красноярска семнадцатого мая в три часа утра. Их уже ждали – мальчишка-шофер и сопровождающий из геологоразведки, и Рудаков в душе поблагодарил Тихонова и его подчиненных: группа технической подготовки знала свое дело, и еще ни разу у командированных не было задержки ни с транспортом, ни с гостиницами, ни с организацией любого рода помощи со стороны официальных руководителей на местах.

Сопровождающие без лишних расспросов доставили экспертов Центра в местное управление геологоразведки, откуда они в семь утра, так и не поспав и не узнав ничего толком, отправились на вездеходе к месту установки автоматической станции наблюдения за НЛЮ.

Вездеход был на воздушной подушке, за городом водитель дал полный газ, и полсотни километров до поселка Березовое, возле которого на сопке, рядом с метеостанцией, стоял мини-комплекс АСН, они преодолели всего за полчаса.

Под Березовом вдоль дороги пошли сплошные вырубки, в основном старые, поросшие кедровым молодняком и кустарником. Рудаков, глядя на голые пространства, усеянные пнями, которых не мог скрыть даже многолетний кустарник, с грустью подумал, что тайга в местах порубки уже никогда не восстановит своей былой красоты. Здесь даже леса не будет приличного – ивовый подлесок да кустарниковая ольха, а кедровые сосны и ель, составляющие основное богатство края, растут медленно, веками... Даже если рубить лес с умом, следует помнить, что природа на это не рассчитывала.

На метеостанции их встретил молодой светловолосый и светлоглазый парень, соединявший в одном лице начальника и обслуживающий персонал. Парня звали Костей, работал он на станции недавно, «отбывал срок» стажировки, по его словам, будучи студентом Санкт-Петербургского гидрометеорологического института.

– Вашей аппаратуры я не касался, – сказал он, кивая на полускрытую оборудованием метеостанции круглую будочку за сетчатой оградой, стоявшую особняком на самом краю обрывистого склона сопки. – Говорят, там сплошная кошмарная автоматика, интегральные схемы и все такое прочее...

– Так оно и есть, – сказал угрюмый Губаренко, за дорогу не сказавший ни слова. Немного словие помощника импонировало Рудакову, и это его молчаливое одобрение сближало их больше, чем уверения в симпатиях.

– Извините за любопытство, но за два месяца отрыва от цивилизации невольно становишься навязчивым.

– Ничего, все нормально. Иди открой, – сказал Рудаков помощнику и снова повернулся к метеорологу. – Костя, вы не замечали, включалась ли аппаратура нашей станции?

– По-моему, да, один раз, причем вчера вечером. Я как раз готовил сводку в своем жилище, когда вдруг что-то сверкнуло в окне и загудело. Я выскочил – над будкой антенна ворочается. Повращалась и утихла. Вот и все. Антенна – это локатор, наверно? Правильно?

– Локатор.

– А луч...

– Это лазер. Больше ничего не заметили?

– Да вроде нет. Лазер... да, с размахом работаете, – с уважением сказал Костя. – В общем, как закончите дела, приходите, у меня и переночевать место найдется. А вечером можно в поселок сходить, всего три километра. Моя станция, – он улыбнулся, – тоже не без автоматике.

Рудаков поблагодарил словоохотливого метеоролога и обошел будку, в которой уже скрылся Губаренко. Под сопкой, в теснине миниатюрного ущелья, бежала такая же миниатюрная прозрачная речка. Оттуда доносился журчащий плеск и волнами накатывала свежесть.

«Хорошее место, – подумал Рудаков, обводя глазами горизонт. – Сопочник, тайга... здесь она, похоже, еще нетронутая. Пожить бы в таком уголке с месяц с детьми. А что, может, устроить когда-нибудь такую семейную экспедицию?»

– Алексеич, – приглушенно окликнул Рудакова из будки Губаренко. – Иди-ка сюда. Есть запись-то...

К вечеру они проверили функционирование систем станции, протестировали ее компьютер и сменили пленку в регистрационной аппаратуре. Губаренко к тому же откалибровал сельсины на антенне локатора и провел контроль синхронного включения теле- и фотокамер и лазера. По сути дела, задание было выполнено, но Рудаков с молчаливого согласия напарника решил отправиться в обратный путь утром, вечер же и ночь провести в компании с метеорологом, вобрать в себя «прану» тайги.

А около десяти часов вечера, когда Рудаков, прищелкнув к объективу портативной своей камеры инфракрасную насадку, снимал ночной пейзаж, вновь сработала автоматика АСН.

Выскочившие из домика Губаренко и Костя увидели сначала рубиновую нить лазера, хлестнувшую беззвездное хмурое небо, потом разглядели на штабеле досок силуэт Рудакова с камерой.

– Фотоаппарат! – крикнул он, не оборачиваясь.

Губаренко сбегал за фотоаппаратом, и вовремя. Из-за вершины ближайшей сопки, поросшей кедром, выскользнули вдруг две светящиеся полупрозрачные полусферы и на брющем полете пошли наискосок к речке. В этот момент снова сверкнул лучик лазерного щупа, коснулся одной из полусфер, и странные объекты мгновенно прыгнули метров на сто вверх, не тормозя и не останавливаясь. Секунду они продолжали движение по вертикали, потом остановились, словно раздумывая в нерешительности, что делать дальше, и разом метнулись к метеостанции, нацеливаясь, как показалось Губаренко, прямо на застывшего с кинокамерой Рудакова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.